

Зилов Лев Николаевич

Дед

Поэма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34   **Лев Николаевич З.**
Дед: Поэма / Зилов Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
138 с.

ISBN 978-5-519-86193-9

ISBN 978-5-519-86193-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Почвуцаю

Н. К. Суловои

Прологъ.

Надъ домомъ рѣстъ тлѣнье..
И. Бунинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Сидѣла, какъ всегда, въ гостиной, у рояля,
Разматывала шерсть и шурила зрочки..
И прибѣгалъ изъ дѣтской съ ревомъ Валя
И подставлялъ для поцѣлуевъ синяки;
Визжала въ комнатѣ у фрейлены машинка,
Наматывая нитки на челнокъ;
И теткина краснѣла пелеринка,
Свалившись съ кресла, сбита въ комокъ..
А тетка въ кухнѣ, вытянувши шею,
Привычно пробирала Пелагею;—
И прыгали заглушенно слова,
И думалось, что тетушка права...

И думалось, что завтра—воскресенье..
Приѣдетъ къ кофе старый ростовщикъ
И теткѣ привезетъ миндальное печенье,
И тетка скажетъ: „Вѣчный баловникъ!“
Прихлебывая кофе и макая
Табачные усы, расскажетъ про грабежъ
Средь бѣла дня; потомъ уйдетъ хромая
За теткой въ кабинетъ, и скучно разберешь
Знакомыя слова,—„бланкъ довѣритель“..
Надѣнетъ Костя съ кантиками китель,
Мелькнетъ, уѣдетъ... тетка спроситъ: „А?“
„Ты, Кадя, что?“—Какъ что?—„Уѣхалъ Костя?“—Да!—

III.

Тоска, тоска!... Что ей до этихъ будень,
До этихъ воскресеній? Все равно!
День на день также все похожъ и нудень,
Что было только что и что прошло давно!
Какъ эта шерсть! Все дѣло только въ краскѣ—
То синяя, то красная... Бѣжать!
Хоть чуточную каплю теплой ласки,
Хоть день прожить, а не года мечтать!
... Вернулась тетка, сѣла за вязанье
И жутко-жутко этихъ спиць мельканье,
Какъ-будто сердце оплетутъ онѣ—
Больное сердце въ ранкахъ и въ огнѣ...

IV.

За чаемъ съ кѣксами припоминали лѣто
И Федоръ Кузмича съ забавнымъ котелкомъ,
Который говорилъ, что рыжій котъ—примѣта:
Тому, къ кому придетъ, ужъ быть подъ башмакомъ.
Скребла по юбкѣ черненькая Капка
И подъ столомъ рыча хватала за башмакъ;
И тетка походя стирала зайчѣй лапкой
Не вытертую пыль, просыпанный табакъ...
Потомъ въ гостиной поджидали Костю;
Играли съ Валькой въ рамсъ и собирались въ гости
Къ мадамъ Жиро на Патріаршіи прудъ
И думали—почемъ извозчики возьмутъ.

V.

Смотрѣла Кадя на кудряшки тетки,
Искусно лысину закрывшія. Плела
Изъ скучныхъ мыслей кружева; какъ четки
Перебирала дни, въ которыхъ не жила...
Братъ Константинъ и Валька, такъ похожій
На мать свою, на братнину жену...
Братъ съ кѣмъ-то тамъ живетъ... А Вальку гложутъ
Двѣ эти—тетка съ нѣмкой—, вьютъ въ струну...
Его бѣ лѣчить, его пихаютъ дрянью
Въ гимназіи да дома. Ни вниманья
Ни ласки нѣтъ. На верхъ къ ней прибѣжить,
Забьется на диванъ... „Уйду я“, говорить.

VI.

Уйти, уйти! и вотъ мечтають оба.
 Онъ вслухъ, а Кадя—Кадя про себя...
 ... Глядитъ опять на тетку, бьется злоба.
 Да, Валька въ преріи! Въ какіе же края,
 Къ какимъ морямъ направить парусъ бѣдный?
 Гдѣ лотосы мои, гдѣ свѣтлый викингъ мой,
 Вонзившій въ гребни волнъ свой стругъ побѣдный,
 Со славой на щитѣ несущійся домой?
 ... Надоѣдалъ имъ рамсъ знакомый и сонливый;
 Шла тетка проявлять для Кости негативы,
 А Валька теръ глаза, сосалъ ландринъ
 И спрашивалъ, что значить „серпантинъ“...

VII.

И фрейленъ Рике уходила рано.
 Укладывала Вальку и, „adieu“
 Сказавъ изъ коридора, два стакана
 Несла къ себѣ—въ одномъ свое питье,
 Въ другомъ о-дантифрисъ для полосканья...
 И долго было слышно, какъ она
 Возилась, полоскала зубы, и—зѣванье
 Отъ предвкушенія дѣвическаго сна.
 Потомъ въ кровати тестаментъ читала
 И, заложивъ Andenken'омъ, мечтала
 О Tante Augustchen, гдѣ въ праздникъ быть пришлось,
 Гдѣ tüchtig war getanzt, гдѣ war famos.

VIII.

Потомъ—прощалась тетка Агриппина,
 И надѣвала кружевной капотъ,
 И доставала бромъ за банкою хинина,
 И клала челюсть въ воду на комодъ...
 Ходила долго. Раздвигая сторы,
 Смотрѣла въ окна; отставляла стулъ;
 Перебирала кофточки узоры,
 Сосновою водою душила... Свѣтъ мигнулъ
 Въ щеляхъ дверей—переносила свѣчку...
 И надо лбомъ колечко за колечкомъ
 Крутила долго папильоткой... Ротъ
 Дрожа шепталъ про „бранныхъ воеводъ“...

IX.

А въ кухнѣ шепотомъ смѣялась Пелагея
Съ лѣнивымъ дворникомъ, подсолнухи грызя.
И съ городками изъ газетъ, желтѣя
Посудой, прусаками шелестя,
Висѣли сгорбленныя полки. Вяло
Захлебывались старыя часы
Съ привѣшенной канфоркой; и устало
Глядѣлъ засиженный Линевищъ со стѣны.
Тянулись чистыя половички къ кровати,
Къ подвальной западнѣ, къ ступенькамъ на полати.
И въ раковину капала вода
Съ короткой пѣсенкой, унылой, какъ всегда...

X.

Въ часъ, во второмъ звонился громко Костя,
Пугалась Пелагея, задремавъ...
И въ трости съ ящерицей изъ слоновой кости
Уже было что-то желчное, и правъ
Былъ узенькій портфель съ блестящей кнопкой,
Когда упалъ на ларь въ передней и сверкнулъ...
И Пелагея сразу стала робкой,
А Костя что-то буркнулъ, пальцемъ ткнулъ
И, вскорѣ, въ помочахъ изъ кабинета
Кричалъ онъ: „Умерли вы, что ли?“ И, раздѣта,
Простоволосая, пугалась тетка:—Что?
— Что? Что такой?— „Газету изъ пальто!“

XI.

Изъ дѣтской Валька, спрыгнувши съ кровати,
Бѣжалъ на цыпочкахъ по коридору въ залъ,
И тамъ въ стекло царапался... И пятки
Стучали позади... Онъ бился и кричалъ,
И, вырвавшись, хватался за гардины...
Потомъ несли его назадъ въ кровать,
И онъ стоналъ, весь странный и змѣиный,
И падалъ на кровать, уже не въ силахъ встать...
И спрашивала тетка, Пелагею
Позвавъ къ себѣ и щекоча подъ шею
Виляющую Капку: „Убѣжалъ?“
— Да, барыня!— „Заприте двери въ залъ!“ —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

И только къ двумъ часамъ огонь тушили въ залѣ
И зажигали въ коридорѣ ночники,
И гулкую рояль устало запирали,
И замолкали мягкіе шаги...
Тогда—на мѣдный листъ изъ теплаго камина
Унылый дѣдъ въ шлафрокѣ вылѣзалъ
И отпиралъ буфетъ, и бралъ Бенедиктина;
Садился на диванъ съ ногами и вздыхалъ.
И изрѣдка, погладивъ подъ усами,
Справлялся онъ съ звонившими часами,
Чтобъ во-время убрать Бенедиктинъ,
Закрыть буфетъ и влѣзть опять въ каминъ.

II.

И думалъ онъ о теткѣ, Валькѣ, Костѣ,
О тихой, грустной Кадѣ и бурчалъ:
„Такъ-съ, значитъ, проморгалъ свое Замостье!
Такой же хлюсть, какъ и когда кончалъ!..
Живетъ съ какой-то феей, примостился
Въ чиновники особыхъ порученій... Что жъ—
Какъ Федя отъ растрать не удавился!
Въ маманъ пошелъ, не очень-то проймешь...
Агриппочка—селедка, какъ и прежде!
Все такъ же красится и такъ же все въ надеждѣ,
Однако подцѣпила гемморой,
И теткой сдѣлалась такой, что ой-ой-ой!..

III.

Живи-бы я, такъ въ порошокъ растерла бъ
И, какъ жена, шипѣла бъ: „въ гробъ сведетъ—
Отъ курева схватилъ чахотку горла,
Теперь паралича отъ пьянства ждетъ!“
Дѣдъ замолчалъ и пересѣлъ уютнѣй:
„Однако, эта Капка—чортъ возьми—
Блохъ развела... мою, бывало, Лютню
Съ дивана-то кнутомъ мамзель Мими...
А эта, вшивка, дрыхнетъ на подушкѣ,
Носъ въ носъ съ хозяйкой, лапочки на брюшкѣ,
Не слышитъ, что я здѣсь, ей въ тонъ храпитъ
И отъ обжорства и отъ блохъ скулитъ...

IV.

Агриппочка! Одна изъ всѣхъ осталась,
И съ той-то взятки гладки... Дожилъ я!
Еще придется (вотъ ужъ не гадалось)
Приискивать камины для себя...
Теперь вонъ входятъ въ моду спиртовые—
Изъ спирта въ спиртъ—еще одна печаль!
Какъ разъ задѣхнешься! Нѣтъ—времена былия
И по людямъ и по каминамъ жаль!
Примнуть тебя березой да осиною,
Успѣешь надышаться древесиною,
Да и огонь и дымъ сродни лѣсамъ,
Зеленые псалмы шумящимъ къ небесамъ“.

V.

И, помолчавъ, заговорилъ онъ снова:
„А Кадя что? Сидитъ тамъ у себя...
Все не съ кѣмъ вымолвить живого слова
И пишетъ по ночамъ дневникъ, какъ я.
Эхъ, слопаютъ, родимая, ужъ знаю,
Кого тебѣ нащупалъ въ женихи
Шалдерникъ Константинъ. Да я не унываю...
Чего мнѣ унывать? Грѣхи, грѣхи!
Пройди, голубушка, сперва огонь и воду
И трубы мѣдныя, а тамъ ищи ужъ броду,
Иль, какъ сестра Ариша, мышьякомъ
Травись себѣ... Кому печаль о томъ?“

VI.

Нѣтъ, хорошо—спасибо преисподни!—
Такъ посидѣть... Уютъ—тянуть Бенедиктинъ,
Глядѣть знакомое и думать, какъ сегодня,
О томъ, о семъ, съ луною на одинъ.
Весь этотъ маринадъ еще пра-пра варили
И что жъ—довольствуются имъ и до сихъ поръ,
Пра-пра, тѣ все-же такъ иль этакъ жили,
А эти—тянуть тухленькій растворъ.
На что имъ жизнь? Они не знаютъ жизни!
Водою мертвой spraysнута... А брызги
Живой водой—какой переполохъ
У всѣхъ, во всемъ, у этихъ даже блохъ!

VII.

„И нужно ли? Разъ жизнь захочеть—надо,
А не захочеть—такъ тому и быть:
Для жизни—щебень, въ небесахъ—награда...
И мнѣ пора-бъ и плюнуть, и забыть.
Да старая привычка—лѣзть безъ толку,
Куда не слѣдъ! Вотъ въ чемъ печаль... Смотрю,
На лѣстницу забравшись, къ Кадѣ въ шелку—
Тоска гнететъ, тоска и злишься на зарю,
Которая опять въ каминъ загонить,
Опять покойника по чину похоронить,
И будутъ на спину валить тебѣ дрова,
И будетъ огненной сѣдая голова.

VIII.

„Ахъ, если бъ снова жить! не дѣдомъ быть, а Петей!
Я былъ вѣдь не дурень, я былъ краснорѣчивъ...
Графиней Ланговой я былъ замѣченъ въ свѣтѣ
И приглашенъ въ салонъ—и это вѣдь не миѣ!“
Дѣдъ замолчалъ и, видитъ, Лунный Мальчикъ
Вдругъ соскочилъ съ луча и подошелъ къ нему
И улыбается; грозитъ, согнувши пальчикъ,
И говорить, колебля полутьму:
—Ты хочешь жить, мертвецъ? Я—мертвыхъ оживитель,
Профессія недавняя... Родитель
Твой оживленъ былъ мной за радужную, но—
Онъ слова не сдержалъ и умеръ вновь давно...

IX.

— Теперь поручено мнѣ требовать залога...
Залогъ пустяшный — твой фамильный брилліантъ.
Онъ будетъ при тебѣ... не думай, ради Бога,
Что мы жулье, что я такой же франтъ,
Какъ внукъ твой, Константинъ! Останется съ тобою
Твой брилліантъ, но—заложить, продать
Его не сможешь ты. Онъ закрѣпленъ судьбою
Отнынѣ за бюро, которымъ воскрешать
Тебѣ подобныхъ посланъ я въ ущербы
Луны... Согласенъ? Въ день, какъ опушатся вербы,
Въ двѣнадцать дня начнешь ты жить такимъ,
Какъ ты хотѣлъ; ну—мнѣ пора къ другимъ...—

Х.

Сказаль—исчезъ. И дѣдъ вскочилъ въ волненьи,
По комнатамъ забѣгалъ межъ лучей
Томительной луны; перевернулъ въ смятеньи
Бенедиктинъ и—влѣзъ въ каминъ скорѣй.

. . . . .

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

...А наверху сидитъ за лампой Кадя,
Склонясь мечтательно надъ чернымъ дневникомъ,
И, волосы распущенные глядя,
Чертитъ по скатерти обломаннымъ перомъ.
И смотреть на нее дѣвичьи бездѣлушки—
Нѣмецкій целлулойдъ, китайскія лягушки...
И тикаютъ на бронзовой змѣѣ
Часы, бѣгушіе къ положенной чертѣ.

II.

Ахъ, эти розовыя, съ клеверомъ, обои
И запахъ мыла фабрики Бодло,
И звуки тишины, и непокой покоя—
Отъ нихъ Спасителю въ кіотѣ тяжело.
...А въ дневникѣ стоитъ: „Одна—одна, какъ прежде,
Царевной въ теремѣ!.. И къ лику старыхъ дѣвъ
Причислюсь скоро, въ сладостной надеждѣ
Имѣть свой уголъ, юность претерпѣвъ.
И только бы не стать безличной компаньонкой
И нянчиться съ хозяйскою болонкой..
Нѣтъ, лучше бонной къ дѣтямъ!.. Вотъ мечты—
Мои мечты, ужъ и онѣ пусты!

III.

„Забыты и усы и эспаньолка,
И тихій баритонъ, и съ поволокой взглядъ...
Для глупыхъ вышивокъ тоскливая иголка,
И для мадамъ Жиро ненужный слой помадъ!